

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Буллок А. Гитлер: исследование природы тираннии. Смоленск, 1994. С.26.

² Цит. по: Галактионов Ю. В. Марксистская историография германского фашизма. Кемерово, 1990, С. 47.

³ Там же.

Жукоцкий В.Д.
Нижегородск

К. МАРКС И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Можно ли вычеркнуть К. Маркса и марксизм из русской истории XIX – начала XX веков, не говоря уже о последующей эпохе. Этот, по сути, риторический вопрос с вполне предсказуемым ответом в наше, по-своему революционное (или контрреволюционное) время не кажется уже столь очевидным. Откровенно идеологические попытки в очередной раз переписать русскую историю дают свой результат. «Новая картинка», лубочная в своей основе, входит в плоть и кровь молодого поколения. Новейшая тенденция художественной романтизации царизма, специфической формы русского самодержавия, дополняет ее в грандиозных проектах «Сибирского «Титаника»». Голос историко-философской науки становится менее слышен сквозь этот хор. А между тем, есть очевидные факты, которые требуют усвоения, есть историческая реальность, которая требует своего понимания.

Марксизм повлиял на логику и направленность развития русской культуры задолго до революции. Это и требует своей детализации. Но вот повлияла ли Россия на идейные убеждения К. Маркса и саму динамику развития идей его русских последователей? Вопрос далеко не праздный. Есть достаточно оснований предполагать, что поздний интерес Маркса к России не случаен, что в этом есть своя логика эволюции его концептуальных построений, что именно в России он нашел недостающий ему и коррелирующий предмет для исторических обобщений.

Пробуждающаяся для глобального социально-исторического действия Россия не могла не привлечь к себе пытливые взоры революционеров. Первые неровные движения проспавшего несколько веков Сфинкса действовали завораживающе не только на тех, кто пребывал внутри, но и тех, кто наблюдал это зрелище снаружи. Мощный

ветер буржуазной эпохи пробудил и этого исполина и обещал миру невиданный спектакль. Только слепой мог не видеть, что мощная волна буржуазных революций, прокатившаяся по Европе, должна была рано или поздно затронуть и самую далекую европейскую провинцию. И тем жестче и болезненнее, чем упорнее она отворачивалась от неизбежной встречи с современностью. Вопрос, следовательно, состоял не в том, быть или не быть революции в России. А в том, какой характер она приобретет. А это в свою очередь зависело от глубины внутренних противоречий в развитии российской цивилизации, от своеобразия ее социально-культурной и собственно религиозной природы.

Способность Маркса к восприятию этого своеобразия и к его проективной трансляции на перспективу русской революции многое проясняет в логике наступления этого события. Только изучив этот аспект проблемы – что Россия для Маркса? – мы можем обратиться к другой стороне отношения – что Маркс для России? Не менее существенно и то, что интерес Маркса к России был в значительной степени стимулирован личными контактами с русскими революционерами, то есть непосредственным участием Маркса в деле проникновения своих идей на горизонты Российской империи. В любом случае, начало такому проникновению принадлежит самому Марксу, его всевозрастающему интересу к России. Вхождение марксизма в Россию начиналось отношением самого марксизма к России.

Русские в судьбе К. Маркса. Тема России и русских занимает не последнее место в жизни и творчестве Маркса. Более того, в ней немало роковых, по своему судьбоносных обстоятельств¹. Именно русский дал первую радикальную критику его «ученой революционности». Им оказался «один русский «беллетрист»» и лондонский эмигрант – А.И. Герцен, оставивший в «Былом и думах» нелицеприятные воспоминания о немецкой эмиграции. Именно русский начинал с ним великое дело жизни – создание Международного Товарищества Рабочих и Первого Интернационала, а затем сделал едва ли не все, чтобы погубить это дело или переиначить его до неузнаваемости. Им оказался бунтарь и анархист номер один из России – М.А. Бакунин.

Единственный независимый ум, в котором Маркс признал внутреннее родство и настоящую духовную близость (быть может, второй после Ф. Энгельса) – был также русским. Им оказался «великий русский ученый и критик» Н.Г. Чернышевский. Интерес к Чернышевскому и России становится со временем столь велик, что Маркс приступает к обстоятельному изучению русского языка и впредь работает только с русскими первоисточниками. Личные контакты К. Маркса с П.Л. Лавровым существенно повлияли на творческое развитие русского ученого-народника и в дальнейшем он называет Маркса не иначе как «нашим великим учителем» (см. его Предисловие к московскому изданию (1894 г.) марксовской работы «Введение к критике гегелевской философии права»). Влияние же Лаврова на развитие русской общественной мысли XIX – начала XX веков поистине огромно².

Интерес и само отношение Маркса к России не всегда были одинаковыми. Все зависело от того, в каком социально-политическом контексте предстал облик Российской империи. Вплоть до конца 50-х годов это был не самый приглядный облик погрязшего в феодальном абсолютизме жандарма Европы. Все это и во все времена давало повод для разного рода спекуляций³. В 60-е годы XX века, в разгар «холодной войны», на Западе появляются воинствующие сборники под претенциозным названием «Маркс против России» и «Маркс против русской угрозы». Путем явно недобросовестного подбора отдельных, вырванных из контекста высказываний Маркса эпохи революции 1848 г. и Крымской войны 1853–1856 гг., авторы (швейцарские профессора Деринг, Франсуа-Попсе и др.) стремились представить Маркса непримиримым врагом России и чуть ли не провозвестником НАТО. Нет особой необходимости вступать в детальную критику такого подхода. Дальнейшее рассмотрение вопроса само покажет его несостоятельность.

Для целей настоящего рассмотрения особое значение имеют лишь некоторые из них, высвечивающие религиозно-мировоззренческую составляющую в дуальности Маркс – Россия.

Речь идет об аспекте симпатий и антипатий, того, что «ложилось на сердце» и вызывало отторжение, о существовании универсального кредо, которое сближало порой совершенно разных людей. Таким кредо выступала вера и решимость к совершению актов действительного освобождения человечества от тех бед, которые, казалось, все-

гда преследовали его в земном пути. В основе этого кредо революционера лежало открытие радикально новых технических и социальных возможностей человечества буржуазной эпохи и убеждение в том, что кто-то должен быть первым в деле их практического воплощения. Это предчувствие их не обмануло: Маркс был первым в вопросах теории и организации современной социал-демократии (от революционной до реформистской). Россия была первой в практике наиболее радикального социально-революционного строительства. Так, в реализации одного религиозно-мировоззренческого алгоритма, встретились индивидуальное начало Запада и соборно-коллективное начало России. Иудео-протестантская мессианская идея неожиданным образом наложилась на византийско-православную мессианскую идею. И дело не в утопическом характере этого синтеза, а в решимости следовать ему нескольких поколений русских людей.

Русская секция Интернационала оказалась целиком на стороне Маркса в его борьбе против раскольнической деятельности Бакунина. Молодые люди из России, называющие себя учениками Чернышевского и Добролюбова, проявляют особый интерес к научно-революционной теории Маркса. Весной 1870 года Н.И. Утин, глава секции, обращается к Марксу с просьбой быть представителем Русской секции в Генеральном Совете. Маркс с благодарностью принимает предложение, сопровождая свой ответ важным обобщением: «Такие труды, – пишет он, – как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»⁴.

Имя Н. Флеровского возникает в переписке Маркса не случайно, как не случайно оно оказывается перед именем самого Чернышевского. В письме Полю и Лауре Лафарг (от 18 октября 1869 г.) Маркс сообщает о том, что Н.Ф. Даниельсон выслал ему из Петербурга книгу Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869), в которой много примечательного. Но самое удивительное, по Марксу, что такая книга вообще могла появиться в «этой окутанной мраком стране». Книга Флеровского дает дополнительный толчок к углубленному изучению русского языка. И спустя несколько месяцев (10 февраля 1870 г.) Маркс делится своими впечатлениями с Энгельсом:

«Автор – решительный враг того, что он сам именует «русским оптимизмом». У меня никогда не было особенно радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Флеровский превосходит все ожидания. Поистине удивительным и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге»⁵. (Курсив мой – В.Ж.)

Маркса поражает скрупулезность автора в подборе материала. Широкое использование статистических данных сочетается с многочисленными бытописаниями ужасов семейной и общественной жизни русского простолюдина. Флеровский писал свою книгу 15 лет и «исходил», собирая материал, всю Россию: от Белого до Каспийского морей, от Петербурга до Восточной Сибири. Вся тeneвая сторона бескрайней империи оказалась гротесково представленной внешнему взору.

Можно без преувеличения сказать, что книга Флеровского представляет собой «Архипелаг ГУЛАГ» XIX века, совпадающий со своим более поздним аналогом даже по датам выхода в свет – между ними ровно 100 лет. Их подобие проявляется не только в форме и содержании, но и функционально, как фактор взрывающий общественные устои. Правда, в XX веке понадобилось лишь двадцать с небольшим лет, чтобы устроить вселенский обвал на основе превращения литературных метафор в социальные метаморфозы. В XIX веке было сложнее. Там был Ф.М. Достоевский, бывший каторжанин, протянувший руку царю, и тем удержавший до времени необратимо поколебленный трон. Но XX век, родив второго Флеровского, не родил своего Достоевского.

Знать бы еще, чем это преждевременное падение основ обернется для будущего России, увлеченной новой, на этот раз либеральной идеей: еще худшим, чем было, или неожиданным спасением? Как бы то ни было во все времена побеждает тот, кто действует на опережение...

А пока в письме к Энгельсу Маркс тщательно выписывает по-русски слова Флеровского: «У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария». Не это ли и решило исход классовых битв в России в начале XX века? Да и у самого Маркса достаточно говорится о том, что решающим фактором пролетарской революции выступает не только относительное, но и абсолютное обнища-

ние рабочего класса. Именно поэтому имущий класс XX века вынужден был под впечатлением русской революции наступить на горло собственной песне и переломить общую тенденцию – закон обнищания неимущего класса. Зато наши новейшие теоретики получили дополнительный повод упрекнуть Маркса в теоретической недобросовестности⁶. А идущие вслед за ними «новые русские» разом забыли, что без их специальных волевых усилий по сдерживанию «распространяющейся, как зараза» всеобщей нищеты, очередная пролетарская революция не за горами.

В письме Лауре и Полю Лафарг Маркс уточняет, что не разделяет благодушных надежд Флеровского на особые свойства «русской души» и «провиденциальный характер общинной собственности в ее русской форме».

«Но не в этом главное. После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка *грандиознейшая социальная революция* – разумеется, в тех начальных формах, которые соответствуют современному уровню развития Московии. Это – добрые вести. Россия и Англия – два великих столпа современной европейской системы. Все остальные имеют второстепенное значение, даже прекрасная Франция и ученая Германия»⁷. (Курсив мой – В.Ж.)

В этом высказывании Маркса много примечательного. Во-первых, в нем речь идет не просто о чтении, а об изучении труда Флеровского. Во-вторых, мы узнаем, что после такого изучения уже не остается никаких сомнений относительно революционного будущего России. Впервые Маркс констатирует глубокое убеждение в близости и неизбежности русской революции, которую он называет не иначе как «грандиознейшей социальной революцией». При этом Маркс не питает иллюзий относительно тех форм, в которых она будет протекать. Эти формы могут соответствовать лишь современному, весьма низкому, уровню развития Московии. В одной этой фразе заключен огромный объяснительный потенциал того, почему русская революция обрела столь катастрофические формы и почему ее успех или неуспех зависел от революции на Западе. Наконец, Маркс констатирует исключительное геополитическое и общеисторическое значение России, наряду с Англией, в строительстве единой Европы. Сам свод европейского мира держится, по его словам, на этих двух столпах. Эта блистательная метафора многое объясняет и в нынешней геополитике.

литической ситуации, когда «европейский мир» нашел себе иную, атлантическую, опору и не торопится признавать Россию в ее прежнем качестве столпа.

Но во второй половине XIX века русский фактор еще не имел альтернативы в европейских делах и на Россию смотрели со всей серьезностью. И если в этом геополитическом факторе начинала действовать перспектива близкой и неизбежной русской революции, то не трудно было себе представить ее последствия для Европы в целом. С этого момента происходит радикальная перемена Маркса во взглядах его на Россию. Смысл этой перемены он выразил в 1877 году в письме Зорге: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции»⁸.

Это было нечто большее, чем перемена полюсов политических ориентаций. Вступил в действие фактор веры. Чем далее, тем больше именно Россия несла в себе надежду на осуществление мессианской роли освобождения человечества. Произошло редкое совпадение внутреннего – славянофильского – и внешнего – западного – векторов русской общественной мысли. Первоначально смутные очертания нового символа веры обретали выраженные черты – освобождая себя, освободить всех. Контуры освободительного движения в России, все более захватывающего российскую общественность, получали отсвет всемирности. И это стало заметно не только внутреннему взору, но и внешнему.

Революционно-религиозное кредо Маркса с этого момента именно в России нашло свой культовый предмет. В самой жизни Маркса происходит радикальная перемена, она как бы всеми порами своими разворачивается к России и как губка впитывает в себя все, что от нее исходит⁹.

Религиозная ментальность революционного духа. Все это может иметь лишь одно объяснение: вслед за внешним импульсом – переменной в политической ориентации России от контрреволюции к грядущей революции – последовала и смена духовных тональностей. Боль угнетенной собственным барством нации стала слышна на континенте. И первыми ее услышали революционно настроенные деятели эмиграции. Россия, европейское захолустье, слышшее безнадежной падчерницей Европы, вдруг приоткрыла свой духовный потенциал, в кото-

ром многие не без основания увидели просветленный облик пробуждающейся Золушки. Страстная натура Маркса, заявившая о себе со всей силой в годы его молодости (см. сороковой том его сочинений), вновь напомнила о себе в годину зрелости. Но на этот раз это был выбор ДУХОВНОЙ НЕВЕСТЫ. Все дело жизни его оказалось обращенным к ней. Вера, надежда, любовь соединились в едином, религиозном по существу, порыве. Все, что было до этого, было лишь подготовкой к нему. Революционно-гуманистическая страсть Маркса, измучившая его в конец своей концептуальной самодостаточностью, вдруг нашла свой предмет. Он открылся там, где его меньше всего можно было ожидать. Сумрачный гений Востока вновь обнаружил свои неизреченные чары. На этот раз их несла выстрадавшая ПРАВДА РОССИИ. Народ-пролетарий, по мере развития капитализма в России, выходил на свою историческую арену. Вместе со своим освобождением он обещал миру всеобщее освобождение от гнета мертвящего капитала над живым трудом, над самим достоинством человеческого в человеке. И хотя интуиция подсказывала Марксу, что Россия без Запада не вытянет этот воз, все взоры его обращены к восходящим с Востока лучам грядущего дерзновения эпохи. От них нельзя спрятаться, если даже известно заранее, что день будет жарким, и в конце его с неизбежностью зазвучат звуки печального танго – «Утомленные солнцем». Это блоковское «Приветствую звоном щита!» звучало в груди Маркса с радостным трепетом и не позволяло уйти в тень. Голос новой религии человечества – от Конта до Сен-Симона в многочисленных вариациях – полнозвучно звучал над эпохой и требовал своих добровольных жертвоприношений.

Всякая битва, исполненная высочайшего религиозного рвения, не бывает без жертв. Это прежде всего жертва самого себя, собственной жизни и собственного благополучия в мещанском мире среднестатистического достатка. Эта жертва – ради служения высочайшим идеалам человечества. Ее цель – встряхнуть человечество от привычного рабства и открыть новые горизонты свободы. В основе ее – вера в человека, в человеческую природу. Убеждение, что отогретый человек и есть воплощенный идеал всякого культового служения. Эта новая концентрация религиозной воли, как и всякая традиционная религия, доводила сознание до высшей ноты аскетического звучания во имя избранного идеала. Она несла в себе не только фантастичес-

кую силу кумулятивного воздействия и прорыва в новое качество, но и неизбежность ошибок, разного рода крайностей, без которых новое никогда не приходит на смену старому и которые прямопропорциональны сопротивлению материала. Маркс полностью подчинил себя этому служению. И произошло это еще в ранней юности, в период его выпускных гимназических сочинений. Это доказывает лишь цельность его натуры. «В истории мало найдется людей, – пишет известный исследователь творчества Маркса Н.И.Лапин, – которые бы всей своей жизнью, полной лишений, гигантского труда и страданий, столь безупречно подтвердили верность своему юношескому идеалу, как это сделал Маркс»¹⁰. Маркса не только при жизни, но и в наше время немало упрекают в непрактичности. Говорят: как же можно было при таком фантастическом таланте не потратить его, хотя бы частично, на себя и на благополучие своей столь любимой семьи? Потому и нельзя было, что здесь замешано религиозное чувство, последнее основание человеческой личности. И никто в семье не упрекнул его. Напротив, все прониклись этим чувством. На исходе жизни, вспоминая историю создания «Капитала», Маркс признавался другу: это был труд, «которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью» <...> «я считал бы себя поистине непрактичным (подчеркнуто Марксом), если бы подох, не закончив полностью моей книги, хотя бы только в рукописи»¹¹.

Эта непоколебимая воля служения высоким идеалам социальной свободы и готовности жертвовать собой во имя народного освобождения имеет лишь один культурно-исторический аналог – в лице русской интеллигенции. Именно русская интеллигенция, по определению «Вех», представляла собой социальный слой, самой сутью своего культурно-исторического существования нацеленного на революцию. Прежде всего, революцию социальную и лишь как приложение к ней – революцию духовную. То первенство, которое авторы «Вех» отдавали именно духовной революции, лишь уточняло общий революционный расклад, хотя и преподносилось в форме противопоставления себя самой русской интеллигенции. Все характерные черты русской интеллигенции: боль за народ, религиозный, по сути, атеизм. «беспочвенность» (или заряженность на интернационализм), «кружковщина» и жажда борьбы самоотверженной, героической, жертвенной, организация единомышленников в орден – все они есть у Маркса. Не

случайно С.Н. Булгаков видел в разоблачении религиозно типических черт в натуре Маркса верное средство борьбы с теми чертами русской интеллигенции, которые выделялись ему в отрицательном свете¹².

Активный религиозный деятель первой волны послереволюционной эмиграции Н.М. Зернов обращает внимание и на другую сторону отношения. Он выводит родословную «интеллигентского поиска ПРАВДЫ» из традиционного христианства русского народа. Он убежден в истинной силе такого социально заряженного «христианства ... без Христа», хотя сам предпочел бы, чтобы это было христианство во Христе¹³.

Но каким образом идущая на острие западного буржуазного развития революционность Маркса могла совпасть (по фазе) с революционностью догоняющего буржуазного развития России и образовать единый сплав нового социально-религиозного движения, захлестнувшего весь XX век? Этот роковой для судеб мира вопрос остается неразрешенным, его смысловая и логическая сторона по-прежнему скрыта от внешнего взора. Ясно одно, что во всем этом осталась какая-то незавершенность, недосказанность, проступающая за внешней очевидностью «крушения коммунизма». Ключ к этой загадке оставил сам Маркс, записавший за год до кончины в Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста» пророческие слова: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». Эти два слова, «если ... дополняют», по сути, решили исход дела. Но они же оставили «зазор» для других версий. А равно и ключ к пониманию прошедшего.

Таким образом, можно говорить о глубокой симпатии, о проникающей силе русской ментальности, так сильно поразившей Маркса своей контрастностью, своим резко континентальным генотипом. Из отдаленного уголка Европы, ее вечного геокультурного бессознательного, веяла и жгучая любовь, и безумная ненависть. И этот контраст температур был по сердцу Марксовой натуре борца. Как был он по сердцу гиперборейскому духу русской интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личные воспоминания о встречах с Марксом оставили П.В. Анненков («Вестник Европы». 1880. № 4), Карл Шульц («Русское богатство». 1906. № 12), М.М. Ковалевский («Вестник Европы». 1909. VI).

² *Лавров П.Л.* Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах. М., 1965. В пятую годовщину со дня смерти П.Л. Лаврова и в канун бурных событий 1905 года российская общественность почтила память великого ученого-народника как «одного из самых ярких и благородных представителей российской общественной мысли XIX века» (см. «Русское богатство». 1905. № 8).

³ См. об этом: *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 428. Василий Васильевич Берви-Флеровский (настоящая фамилия Берви Вильгельм Вильгельмович) (1829 – 1918), социолог, экономист, публицист, деятель народнического движения. Стронник «религии равенства» и «революционной этики». Оказал заметное внимание на общественную мысль России (см. воспоминания В.М. Гаршина, В.Г. Короленко, М. Горького). Особый интерес представляет кн.: *Берви-Флеровский В.В.* Азбука социальных наук. СПб., 1871. Ч.1 – 2.

⁵ Там же. Т. 32. С. 357.

⁶ См. кн.: *Горский Д.П.* Ошибки гения самые опасные. Развитие теории Маркса и ее изъяны. М., 1995.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 549.

⁸ Там же. Т. 34. С. 230.

⁹ В.И. Ленин имел достаточно оснований сказать: «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию, в ее могучее всемирное значение». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 247.)

¹⁰ *Латин Н.И.* Молодой Маркс. Изд. третье, доп. М., 1986. С. 443.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 31. С. 454.

¹² См. *Булгаков С.Н.* Карл Маркс как религиозный тип // *Булгаков С.Н.* Соч. в 2-х т. Т.2. Избранные статьи. М., 1993.

¹³ Задаваясь вопросом о настоящей причине исторического успеха ордена русской интеллигенции, Зернов отмечал: «Его истинный источник был скрыт в родственности интеллигентского поиска ПРАВДЫ (понятой не только рассудком, но и этически) с духом традиционного христианства русского народа. Интеллигенция высвободила религиозную энергию русской жизни, собиравшуюся веками под золотыми куполами православных церквей. Орден никогда не подвергал сомнению основополагающие принципы, вошедшие в душу и плоть русских христиан под преображающим влиянием Евхаристии. Интеллигенция исповедовала христианство <...> без Христа» (*Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Пер. с англ. 2-е изд., испр. Париж, 1991. С.42.)